

Интересы Индии в российской Арктике

Сухаг В.

Аннотация

В статье рассматриваются основные интересы Индии, связанные с участием в арктических проектах и сотрудничеством с Россией. На основе анализа арктической политики Индии, принципы и направления которой сформулированы в арктической стратегии Индии 2022 года, автор выделяет группы критически значимых проблем, решение которых Индия связывает с российско-индийским сотрудничеством в Арктике. Перспективными для сотрудничества являются сферы сельского хозяйства, науки, транспорта, логистики, энергетики. Автором рассматриваются взаимные выгоды Индии и России, возможности взаимодополнения потенциалов стран для развития человеческого и экономического капитала арктического региона. Особое внимание автор уделяет ранее не свойственным аспектам сотрудничества России и Индии, а именно - интересу Индии к научным исследованиям традиционных знаний, образа жизни и этнополитики в отношении коренного населения Арктики.

Ключевые слова: Арктика, российско-индийское сотрудничество, арктическая политика, международное сотрудничество в Арктике, внешняя политика Индии, интересы Индии, коренные народы, экономические интересы, Северный морской путь, безопасность

Об авторе: Викрам СУХАГ, аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: vikram.suhag499167@gmail.com.

Введение

Интересы Индии в Арктическом регионе довольно стабильны, с течением истории они становились только устойчивее, их спектр заметно расширился. Если же рассматривать индийские интересы в российской Арктике, то изначально они формировались вокруг проблематики научного сотрудничества, затем расширялись в области военно-технического сотрудничества и инвестирования в стратегически значимые проекты. В настоящее время Индия и Россия, продолжая сотрудничать в сферах науки, экономики и ВТС, обсуждают вопросы взаимодействия с целью обеспечения национальной безопасности обеих стран.

Известны тесные, доверительные отношения Индии и России в области ВТС, но в отношении Арктики мы выделим три группы интересов, наиболее значимые для Индии именно в этом регионе:

1) интересы, связанные с устойчивым развитием, наблюдением за климатическими изменениями и экологией Арктики;

2) экономические интересы, связанные с инвестированием в стратегически значимые арктические проекты, обеспечением энергетической безопасности Индии;

3) исследовательские интересы в области социальных наук, направленные на анализ арктической этнополитики, традиционных знаний, социального положения, общественно-политической роли коренных и малочисленных народов Севера.

В процессе работы автором были выявлены факторы усиления интересов Индии в освоении российской Арктики и сотрудничества с Россией, имеющийся потенциал взаимодействия стран в сферах сельского хозяйства, транспорта, логистики, энергетики и гуманитарных наук.

Материалы и методы исследования

Методологические позиции автора формировались под влиянием идей политического реализма, конструктивизма, теории международных режимов. Для анализа эмпирической базы были использованы общенаучные методы, и такие частно научные методы, как статистический анализ, метод анализа документов, дискурс-анализ выступлений политических лидеров Индии и России. Эмпирическую базу исследования составили стратегии Индии и арктических государств, российско-индийские соглашения о сотрудничестве, декларации и документы Арктического совета, аналитические отчеты и материалы правительств, межведомственных групп, российско-индийских саммитов.

Интересы Индии к совместному с Россией изучению климатических изменений в Арктике

Опыт индийского сообщества, связанный с изучением климатических изменений, основан на работах, которые Индия уже проводит в Антарктике и Арктике. Интересы Индии по научно-техническому сотрудничеству в Арктике включают в себя метеорологические и атмосферные измерения, исследования изменения климата, динамики морского льда и шельфового ледника, гляциологические исследования, топографическое картирование, геофизические и геологические исследования, сейсмологические записи, реконструкцию прошлого климата по озерным отложениям, мониторинг окружающей среды и дикой природы, геонауки, включая палеоклимат, биологию, океанографию, криосферные исследования, гидрографические съемки, моделирование земной системы и моделирование климата.

Данные интересы во многом связаны с тем, что в ближайшие десятилетия изменение климата окажет большое давление на сельскохозяйственное производство Индии (Suhag 2022). Сегодня Индия является одним из крупнейших сельскохозяйственных производителей в мире, но 40% воды, необходимой для сельскохозяйственной продукции, являются подземными водами, и этот источник истощается (Niti 2018). Прогнозируется, что из-за чрезмерного использования подземных вод объем зимнего урожая в некоторых регионах страны может упасть на 2/3 по отношению к 2025 году (Suhag 2022), в то время как зимний урожай составляет до 44% годового объема всей сельскохозяйственной продукции страны. На национальном уровне правительство Индии может рассмотреть варианты пополнения грунтовых вод, умных методов ведения сельского хозяйства, перехода от зеленой революции к генной, адаптации сельскохозяйственных культур к новым условиям, но в долгосрочной перспективе изменение климата может вызвать системные сбои.

В то же время вызванное изменением климата продление вегетационных периодов может позволить развивать сельское хозяйство в Арктике и привести к выращиванию здесь культур из более теплых регионов, к их диверсификации (Wiréhn 2018). Следуя предположениям Cassidy (2013), примерно 10-20% арктической территории могут стать пригодными для сельского хозяйства в ближайшие полвека (King 2018) и будут в состоянии обеспечить продовольственную безопасность для 0,25-1 миллиарда человек, что восполнит потери в сельскохозяйственной продукции других регионов планеты (Asseng 2015).

Таким образом, интерес Индии к изучению климата Арктики вполне оправдан. Государство ищет возможности обеспечения собственной продовольственной безопасности и сохранения позиций на мировом рынке в условиях современных климатических изменений. Однако на сегодняшний день сельскохозяйственное производство во многих арктических регионах ограничено, потому что имеющиеся физическая и техническая инфраструктура и финансовые ресурсы недостаточны (Freshwater 2017). В целях поддержания общей продовольственной безопасности (которая станет серьезным вызовом для Индии в ближайшие десятилетия) перспективно сотрудничество Индии с Россией в развитии ключевых инфраструктурных проектов. Кроме того, Индия может изучить возможности технического и научного сотрудничества с Россией в области геоэкологических исследований российского севера, что позволит индусам лучше понять северную экосистему и ее целесообразность для сельского хозяйства в будущем.

В части сотрудничества по вопросу изучения возможностей ведения сельского хозяйства с другими странами Индия может

рассмотреть китайскую модель адаптации систем земледелия к изменяющемуся климату, включающую рост орошаемого земледелия взамен расширения, которое ограничено географическими рамками, или норвежскую модель устойчивой интенсификации, выработанную в условиях ограниченной площади (Yang et al. 2007). Однако в долгосрочной перспективе из-за давления, вызванного ростом населения и последствиями изменения климата, адаптация систем индийского земледелия все равно потребует географического расширения. Сотрудничество с Россией по освоению арктических земель может стать географическим ресурсом, в котором нуждается Индия. Отметим, что уже сегодня и российская, и индийская стороны выразили заинтересованность в расширении сотрудничества в области сельского хозяйства (Annual...2018), приняли решение работать над механизмами взаимодействия в этой отрасли. Индийская сторона признает необходимость привлечения кадров для реализации аграрного потенциала Арктического региона, относительно чего Россия испытывает нехватку человеческих ресурсов. Так на двустороннем саммите в 2019 году поднимался вопрос о временной регулируемой миграции индийских человеческих ресурсов в Россию (Annual...2019).

Интересы Индии к энергетическим ресурсам российской Арктики

Индия является третьей по величине страной-потребителем энергии (потребление которой с 2000 года удвоилось). Ожидается, что рост спроса на энергию вырастет на 35% до 2030 года. Прогнозы, касающиеся экономического роста, численности населения и модели урбанизации, а также цели индустриализации указывают на самый высокий спрос на энергию в Индии среди всех стран мира к 2040 году. В настоящее время Индия импортирует 35 миллиардов кубометров СПГ. Ожидается, что к 2040 году индийский импорт СПГ вырастет до 120 миллиардов кубометров, что составит 43 миллиарда долларов в денежном эквиваленте (IEA...).

В этой связи Индия, во-первых, заинтересована в диверсификации своей базы поставщиков, в частности, во взаимодействии с Россией, которое дает определенные гарантии безопасности для индийского энергетического сектора. Во-вторых, Индия имеет интерес к регионам, в которых сосредоточены энергетические ресурсы. Так энергетический потенциал Арктики определяет включенность данного региона в стратегические интересы Индии. Таким образом, Арктика является площадкой, на базе которой Индия и Россия могут стать взаимовыгодными

партнерами, поскольку регион имеет решающее значение для долгосрочной энергетической безопасности Индии.

В последнее время сотрудничество России и Индией активно развивается, что показательно на примере многочисленных индийских нефтегазовых компаний, таких как Oil и Natural Gas Corporation (ONGC), Indian Oil Corporation Limited и Bharat Petro Resources Limited, которые были вовлечены в разработку Банковского нефтегазового месторождения на севере Красноярского края и собственных лицензионных участков нефтяных и газовых месторождений в Якутии (Karaganov et al. 2021). Меморандум о взаимопонимании, подписанный между «Газпром нефтью» и Корпорацией нефти и природного газа Индии (ONGC) в марте 2017 года, является еще одним примером, демонстрирующим намерения обеих стран расширять сотрудничество в энергетической сфере в Арктике. Две страны в рамках соглашения хотят обменяться лучшими «лучшими техническими, производственными и коммерческими практиками в отношении разработки месторождений в Арктике и на острове Сахалин» (Gazprom...).

Интересы Индии к проекту Северного морского пути

Индия имеет интерес к проекту Северного морского пути (Government...2022). Северный морской путь обладает потенциалом для индийских компаний, которые экспортируют нефть, добываемую из российских активов, в Европу (Zakharov 2017). Индия и Россия являются мощными лидерами в региональных экономических союзах. Россия, со своей стороны, является движущей силой Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в то время как Индия является влиятельным лицом как в Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), так и в Инициативе стран Бенгальского залива по Многоотраслевой Технико-Экономической Кооперации (БИМСТЕК) (Kupriyanov, Korolev 2019). Проблема дальнейшей интеграции этих союзов заключается в отсутствии общей границы.

В прошлом планы по интеграции двух регионов осуществлялись через такой транспортный коридор, как Международный транспортный коридор Север-Юг (МТК) (Singh...2017). Проект представляет собой 7200-километровую многорежимную транспортную сеть, соединяющую Нхава-Шеву в Индии с Бендер-Аббасом в Иране по морю и далее связывающую Амирабад в Иране автодорогой. Последний отрезок пути соединяет Амирабад и Астрахань в России по морю. В недавнем прошлом большинство стран Центральной Азии присоединились к проекту, центральноазиатская соединительная артерия открыла возможности для интеграции Западной Сибири. По плану маршрут доходит до

североевропейского порта Санкт-Петербурга. По сути, предполагаемый маршрут соединяет Индию, Иран и Россию. Однако отметим, что хоть проект и набрал некоторую скорость после 2012 года с парой тестовых запусков, общая динамика индийско-иранских отношений и ситуация в Афганистане замедлили продвижение маршрута (Kurpıyanov, Korolev 2019).

Морской транспортный коридор Ченнаи-Владивосток - это еще один маршрут, который в настоящее время не работает, но обладает потенциалом обеспечения Индии и России морской связью (Mahika...2019). Меморандум о намерениях по строительству такого коридора был подписан Россией и Индией в 2019 году. Предполагаемый маршрут соединяет Индию и Россию через Южно-Китайское море, что является значимым в контексте нынешнего состояния отношений между Индией и Китаем. Более высокая интеграция с Дальним Востоком посредством широкого взаимодействия с регионом была частью «Дальневосточной политики», запущенной Индией в сентябре 2019 года. Тем не менее, сегодня Индия и Россия ищут новые способы улучшения транспортно-логистической связи.

Учитывая долгосрочные цели России на Дальнем Востоке и возникший интерес к углеводородам в Арктике, можно ожидать, что Индия примет участие в развитии Северного морского пути с целью исследования поставок нефти из российских месторождений на Дальнем Востоке и в Арктике в Европу. Как индийская, так и российская сторона уже выразили заинтересованность в совместном участии в развитии Северного морского пути, о чем свидетельствуют совместные заявления по итогам Ежегодного двустороннего саммита 2021 года (Annual...2021). Индия проявила интерес к возможностям инвестирования в арктическую инфраструктуру в области морской разведки/добычи, портов, железных дорог, информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и аэропортов (Government...2022). Индийские государственные и частные компании, обладающие опытом в этой области, являются потенциальными участниками таких проектов.

Интерес Индии к традиционным знаниям коренных народов Арктики

Индия в своей арктической стратегии, опубликованной в марте 2022 года, обозначила цель - понять арктические социальные науки и включить традиционные знания коренных народов Арктики в сферу своего сотрудничества в Арктике. Считается, что участие в развитии Арктики не может быть существенным без знаний коренного арктического сообщества. Для лучшего понимания

акцента Индии на традиционных знаниях, определим, что такое традиционные знания и какую задачу они могут решить.

Сущность традиционных знаний. Знания коренных народов чаще всего относятся к «местным экологическим знаниям (знаниям о растениях, животных, почвах и других природных компонентах) с практическим применением», хотя по разным оценкам они также включают в себя технические навыки, экологическую философию и более широкие взгляды на мир (Ellen & Harris, 2000). Так Мензис и Батлер говорят о «списке атрибутов», которые обычно описывают традиционные знания, в том числе: «кумулятивные и долгосрочные, динамичные, исторические, локальные, целостные, встроенные, а также моральные и духовные» (Menziez 2006, 7). В целом мнения экспертов по традиционным знаниям «достаточно широко расходятся в отношении их определения, методологии, отделения от глобальной науки, кодификации, контекстуализации, устойчивости, современной важности, юриспруденции и риторической репрезентации» (Зент 2009).

Традиционные знания как ключ к вовлечению местных сообществ в процессы устойчивого развития. В то же время «на фоне растущего недовольства модернистскими проектами науки и техники, использование знаний коренных народов рассматривается как вспомогательный элемент для более целостного и устойчивого развития проектов» (Ellen & Harris 2000, 12). «Кризис репрезентации» в западной науке, который подчеркивал, что все знания фрагментарны, эфемерны и в некоторой степени подвержены социокультурному влиянию, привел к тому, что авторитет «истины» и силовые отношения между западной наукой и другими способами познания были поставлены под сомнение. (Alexiades 2009, 79). Произошли значительные изменения в парадигмах, структурирующих развитие: от «модернизационного» подхода, который считал критично важным передачу технологий и рассматривал бедных людей как жертв - к подходу «участия», который смотрит на развитие «снизувверх» (Sillitoe 2002, 3). В частности, в области сохранения и устойчивого использования природных ресурсов так называемый подход «фермеры в первую очередь» подчеркивал расширение прав и возможностей местного населения и участие сообщества в проектах развития (Ellen & Harris 2000, 13). Таким образом, использование и интеграция в планы развития традиционных и местных знаний (что рекламировалось как средство повышения устойчивости и осмысленного вовлечения коренных народов) стали инструментом достижения идеального сценария развития (Posey 2000).

Традиционное знание проявляет себя как сила коренных общин Арктики. Знание может функционировать как форма власти, а также может оказывать эффект власти (Foucault & Gordon 1980). В работах

Джозефа Роуза представлена неразрывная связь знания и власти (Rouse, 1987). В контексте традиционного экологического знания «стремление к знанию занимает центральное место в политическом акте контроля над природой... притязания на высшее знание являются ключом к легитимации притязаний на контроль над природными ресурсами» (Baviskar 2000, 115). В этой связи интересы Индии к традиционным знаниям коренных народов объяснимы стремлением к легитимации действий индийского государства в Арктике, его притязаний на сосредоточившиеся в ресурсах. Ставя приоритет по освоению традиционных знаний Арктического региона, индийские власти стремятся получить ключевой ресурс к исследованию и освоению Арктики – ресурс вовлеченности в эти процессы местного населения, его помощи в достижении политических целей.

Значимость традиционных знаний в управлении развитием Арктики. Чтобы оценить потенциал значимости традиционных знаний в арктической политике, необходимо посмотреть на их эволюцию и рост влияния в Арктическом регионе. Прежде всего, нужно отследить их историческое присутствие в дискурсе общества. Критический дискурс-анализ, предложенный Норманом Фэйрклафом (например, 1989, 1992, 2010), дает глубокое понимание того, как «дискурс привносит смысл в сложные отношения социальной жизни» (Fairclough 2010). Он также помогает нам понять, как «дискурсы создают или воспроизводят отношения власти и господства в обществе» (Alba-Juez 2009, 238). Власть в контексте критического дискурс-анализа относится к социальной власти, определяемой как способность одной социальной группы контролировать действия и мысли членов других социальных групп (Alba-Juez 2009, 240). Язык, идеология и власть тесно связаны в критическом дискурс-анализе. Традиционные знания или идеологии представляют собой ментальные репрезентации, которые посредством дискурса формируют установки группы (Van Dijk 1997, 29, цит. по Alba-Juez 2009, 249). Любой процесс развития, который может оказать воздействие, положительное или отрицательное, вовлекает в социальные отношения тех, кого это воздействие затрагивает, чтобы скорректировать негативное влияние и усилить положительное (Fairclough 2010). Таким образом, традиционные знания вовлекаются в арктические социальные процессы, если управление арктическим обществом подразумевает их присутствие в дискурсе и сопряжено со взаимодействием с местными народами и культурами.

Если мы обратимся к документам Арктического совета, то увидим растущее значение, придаваемое традиционным знаниям. Исторически дискурс относительно традиционных знаний коренных народов присутствовал в повестке конференций министров

арктических государств с 90-х гг. Если в Рованиемской декларации 1991 г. рассматривалось только местное население – был сделан акцент на географическую, а не культурную связь людей с местом, то со второй встречи министров термин «традиционные знания» обретает четкую связь с коренными народами и сопровождается пониманием важности таких знаний для сохранения окружающей среды. На встречах в Нууке и Инувике концепция традиционных знаний получила дальнейшее развитие благодаря созданию Секретариата коренных народов. Декларация Инувика способствовала эффективной интеграции традиционных знаний в более широкие рамки режима. Декларации Оттавы и Рейкьявика помогли дальнейшему укреплению традиционных знаний.

Все эти декларации связали традиционные знания с сохранением биоразнообразия и представили их как нечто «больше, чем знания» (Brosius 2000, 299): «они были переопределены как потенциально ценные ресурсы в политическом, социальном, экологическом, экономическом и духовном обновлении» (Alexiades 2009, 86). В этот период происходит интеграция традиционных знаний в исследования Арктики. В Оттавской декларации упоминается «вклад международной науки в знание и понимание арктического региона», в последующих декларациях Рейкьявика и Инари обсуждалось использование традиционных знаний в исследовательских проектах.

В Салехардской декларации 2006 года появилось нововведение: традиционные знания теперь стали рассматриваться более серьезно и стали частью региональной культуры, а не методом исследования. Та же тенденция распространилась на все другие декларации, в которых традиционные знания также стали областью более широкого и целостного понимания Арктики, а не исследовательским инструментом, дополняющим арктическую науку. За прошедшие годы традиционные знания перестали просто использоваться в арктических исследованиях, а отношение к роли коренных народов стало более серьезным. Все более частые упоминания традиционных знаний в нефтегазовом секторе начали появляться с момента принятия Руководства по добыче нефти и газа на шельфе Арктики, разработанного рабочей группой по защите арктической морской среды (ПАМЕ) в рамках Стратегии защиты окружающей среды Арктики (AEPS), рабочей группой по предотвращению чрезвычайных ситуаций и обеспечению готовности к ним (EPPR), а также рабочей группой Программы арктического мониторинга и оценки (AMAP).

Традиционные знания в руководящих принципах арктических деклараций. Рассмотрим руководящие принципы деклараций разных лет на предмет включения в них важности и значимости

традиционных знаний для понимания и освоения Арктического региона:

- Руководящие принципы Декларации 1996 года: «Необходимы институциональные механизмы и возможности ... чтобы гарантировать, что научные и традиционные знания доступны для процессов и эффективно используются» (Ottawa 1996, 10). «Необходимо участие общественности Арктики в определении масштаба <деятельности> для эффективного и полного использования традиционных знаний. Следует выделить достаточно времени и ресурсов для обеспечения участия общественности в процессе». (Ottawa 1996, 15). «Арктические государства должны: ...вовлекать коренных и других жителей и их традиционные знания в процесс принятия решений, включая первоначальные исследования и распоряжение правами на использование будущих ресурсов; ... улучшить методы межкультурной коммуникации для обеспечения полного и значимого участия коренных жителей, включая процедуры по внедрению местных знаний» (Ottawa 1996, 17-18). «Везде, где это уместно, участники должны использовать традиционные знания для выявления исторических экстремальных явлений и тенденций в окружающей среде» (Ottawa 1996, 26);

- Руководящие принципы Декларации 2002 года: «Этому обзору и обновлению в значительной степени способствовало участие и комментарии, полученные от представителей арктических, региональных и других правительств и неправительственных организаций, промышленности, коренных народов и научного сообщества, <взятые> с целью обеспечить согласованные руководящие принципы для морской нефтегазовой деятельности в Арктике» (Inari 2002). «Сбор и анализ информации как из общедоступных источников, <так и с помощью> заинтересованных сторон важен и <будет> непрерывен на протяжении всего жизненного цикла проекта. Такая информация, включая жизненно важные традиционные знания, может улучшить понимание проекта со всех сторон, включая его социальную среду, сообщество заинтересованных сторон, а также проблему и ценности, которые важны для этих заинтересованных сторон» (Inari 2002, 20);

- Руководящие принципы Декларации 2009 года: «В то же время во многих арктических странах коренные жители становятся активными участниками нефтегазовой деятельности в качестве лиц, принимающих решения, владельцев бизнеса и наемных работников. Планирование проектов, экологическая оценка и нормативные акты должны

учитывать коренные и традиционные знания при решении местных проблем и при разработке способов смягчения возможного ущерба окружающей среде и негативных социально-экономических последствий» (Tromso 2009, 9). «Арктические государства должны... создавать регулятивные и политические структуры, позволяющие коренным народам и другим местным жителям участвовать в процессе принятия решений, а также широкой общественности» (Tromso 2009, 12). «При мониторинге биоразнообразия следует использовать наилучшие имеющиеся знания, включая знания коренных народов и традиционные знания. Для обеспечения качества программы следует использовать независимую научную экспертную оценку и общественное мнение» (Tromso 2009, 14).

Мы видим прочную связь между использованием традиционных знаний и наращиванием потенциала развития. Идея, стоящая за этим, заключается в расширении участия коренных общин в освоении Арктики. Обозначаются направления, в которых можно использовать традиционные знания. Несмотря на то, что традиционные знания остаются второстепенными по отношению к научным знаниям, их использование усиливает вовлеченность и легитимацию со стороны общин коренных народов. Включение традиционных знаний в стратегии развития региона интегрирует точки зрения коренных народов в проекты развития.

Приведенные выше утверждения также рассматривают традиционные знания как онтологическое исследование, связанное с социальной реальностью и ценностями. Важно вести устойчивый диалог с коренным населением, потому что традиционные знания важны не только как сами знания, но и потому, что они имеют более неосознанные социальные и психологические последствия (Kalland 2000, 319). Как объяснил Марк Наттал: «Восстановить знания, использовать их и, следовательно, восстановить чувство компетентности – значит обрести силу и почувствовать, что можно взять на себя ответственность за себя и свои действия» (Nuttall 1998, 167). Именно благодаря этому объяснению мы можем с высокой степенью уверенности сказать, что Индия в целях укрепления своих позиций в Арктике вполне рационально ставит задачу постижения традиционных знаний коренных народов. В перечень ее задач как актора в Арктическом регионе должна входить разработка механизмов, которые бы вовлекли коренное население Арктики в процессы развития. Это потребует установления прочных контактов между людьми, участия в диалогах по вопросам развития и различных других форумах для взаимодействия и обмена знаниями.

Традиционные знания российской Арктики и Индия: есть ли понимание и связь сегодня

В российской Арктике, в отличие от других арктических стран, существует сложная этнополитическая среда, лишь часть которой представлена коренными общинами с особыми привилегиями. Ввиду заинтересованности Индии принимать участие в освоении именно российской Арктики, целесообразно в постижении традиционных знаний сосредоточиться не только на знаниях народов, относящихся к коренным и малочисленным, но и на знаниях местного населения, исторически проживающего и ведущего хозяйство в Арктике, при этом не всегда имеющего особую этнокультурную специфику и принадлежащего к малочисленной общине. На этом фоне особое значение для Индии приобретает сотрудничество с Россией в области социальных наук, в частности этнополитики, в целях изучения специфики населения и этносов российской Арктики.

Для Индии важно понять динамику арктической этнополитики, поскольку будущее участие Индии в регионе будет сопровождаться мобилизацией индийских человеческих ресурсов. Мы придерживаемся точки зрения, что исключительное взаимодействие с коренным населением, учет только его традиционных знаний и игнорирование при этом других этнических групп, русского населения в процессах освоения будет отрицательно влиять на темпы и успешность развития Арктического региона со стороны Индии. Индия уделяет большое внимание этнополитическим вопросам, поскольку сама имеет полиэтничскую, поликонфессиональную среду, проблемы которой приходилось решать в рамках внутренней политики, потому можно надеяться на эффективность разрешения поставленного проблемного вопроса. В плане полиэтничности Индия, возможно, ближе к России, чем любая другая страна. Потому в рамках партнерства по освоению Арктики Россия и Индия одинаково предрасположены смотреть на Арктику не только с точки зрения экономической эффективности, но и с точки зрения инклюзивности и социальной устойчивости.

Индия планирует участвовать в проектах социального развития в Арктике, основанных на принципах инклюзивности и считает, что инфраструктурные проекты должны повысить уровень мобильности в регионе для дальнейшего межэтнического общения. Сотрудничество России и Индии в социальной и гуманитарной сфере, в части постижения традиционных знаний Арктического региона, может стать залогом крепкого и долгосрочного партнерства. Ключевые области сотрудничества могут включать в себя арктическую демографию, арктическую этнодемографию,

арктическую этнополитику, этно-конфликтологию и «голубую экономику».

Выводы

Таким образом, на сегодняшний день интересы Индии в российской Арктике, в ее понимании и освоении, взаимодействии на базе арктических территорий с Российской Федерацией, весьма стабильны. Это определяется, прежде всего, социально-экономическими вызовами, с которыми Индии придется столкнуться в ближайшие десятилетия.

Во-первых, научный потенциал России в изучении сельскохозяйственной пригодности арктических земель, географическая протяженность российской Арктики привлекательны для индусов, испытывающих потребность в обеспечении продовольственной безопасности и позиций на мировом рынке в области сельского хозяйства. Арктика привлекательна Индии и как потенциальный рынок труда для все больше увеличивающегося населения Индии.

Во-вторых, энергетические запросы Индии в ближайшие 20 лет потребуют диверсификации поставщиков и определенных гарантий со стороны партнеров. Решение данного вопроса может быть решено (и уже находит решение) во взаимодействии с российским нефтегазовым сектором. Российская Арктика способна обеспечить Индию необходимым для поддержания энергетической безопасности объемом ресурсов.

В-третьих, проект Северного морского пути, окаймляющего российскую Арктику, представляет интерес для Индии ввиду заторможенности развития альтернативных морских транспортных коридоров, способных соединить юго-восточный и центрально-азиатский экономические регионы.

В-четвертых, индийский запрос на постижение социальных наук, в частности, этнополитики, арктической демографии и др., может быть удовлетворен в ходе взаимодействия с научным сообществом российской Арктики. Россия довольно далеко продвинулась в изучении полиэтничной и поликонфессиональной среды общества, имеет базу исследований традиционных знаний народов Севера, понимание и изучение которых ставится в качестве стратегической цели Индии в Арктике.

Список литературы

- Alba-Juez L. (2009). Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Alexiades M.N. (2009). The Cultural and Economic Globalisation of Traditional Environmental Knowledge Systems. In S. Heckler (Ed.), Landscape,

- Process and Power: Re-evaluating Traditional Environmental Knowledge. New York: Berghahn Books.
- Asseng S., Ewert F., Martre P., Rötter R.P., Lobell D.B., Cammarano D., et al. (2015). Rising temperatures reduce global wheat production. *Nat. Clim. Change* 5:143. DOI: 10.1038/nclimate2470.
- Baviskar A. (2000). Claims to Knowledge, Claims to Control: Environmental Conflict in the Great Himalayan National Park, India. In R. Ellen, P. Parkes & A. Bicker (Eds.), *Indigenous Environmental Knowledge and its Transformations: Critical Anthropological Perspectives* (pp. 101-119). Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Brosius J.P. (2000). Endangered Forest, Endangered People: Environmentalist Representations of Indigenous Knowledge. In R. Ellen, P. Parkes & A. Bicker (Eds.), *Indigenous Environmental Knowledge and its Transformations: Critical Anthropological Perspectives* (pp. 293-317). Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Cassidy E. S., West P. C., Gerber J. S. and Foley J. A. (2013). Redefining agricultural yields: from tonnes to people nourished per hectare. *Environ. Res. Lett.* 8:034015. DOI: 10.1088/1748-9326/8/3/034015.
- Ellen R. & Harris, H. (2000). Introduction. In R. Ellen, P. Parkes & A. Bicker (Eds.), *Indigenous Environmental Knowledge and its Transformations: Critical Anthropological Perspectives* (pp. 1-33). Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Fairclough N. (1989). *Language and power*. Harlow: Longman.
- Fairclough N. (1992). *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity.
- Fairclough, N. (2010). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* (2nd ed.). Harlow: Pearson Education Limited.
- Foucault M., & Gordon C. (1980). *Power/knowledge : selected interviews and other writings, 1972-1977*. New York: Prentice Hall.
- Freshwater D. (2017). *Growth Beyond Cities: Place-Based Rural Development Policy in Ontario*. Rural Ontario Institute.
- Government of India (2022). *India's Arctic Policy: Building a partnership for Sustainable Development*.
- Hohle E.E., Lyssandtræ F., Orlund K., Næss Killingland R. K., Mortensen P., Kvam R.S. et al. (2016). *Agriculture and Climate Change. Working Group Report (Landbruk og klimaendringer. Rapport fra arbeidsgruppe)*. Ministry of Agriculture and Food (Landbruks- og matdepartementet).
- IEA, Natural gas demand by sector in India in the Stated Policies Scenario, 2000-2040, IEA, Paris <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/natural-gas-demand-by-sector-in-india-in-the-stated-policies-scenario-2000-2040> (accessed 22.05.2022).
- Kalland A. (2000). Indigenous Knowledge: Prospects and Limitations. In R. Ellen, P. Parkes & A. Bicker (Eds.), *Indigenous Environmental Knowledge and its Transformations: Critical Anthropological Perspectives* (pp. 319-335). Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Karaganov S.A., Likhacheva A.B., Stepanov I.A., Suslov D.V. et al. (2021) *Russian Policy in the Arctic: International Aspects* : rep. at XXII Apr. Intern. Acad. Conf. on Economic and Social Development, Moscow, April 13–30, 2021. Nat. Res. Univ. Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics Publ. House.

- King M., Altdorff D., Li P., Galagedara, L., Holden J., and Unc A. (2018). Northward shift of the agricultural climate zone under 21st-century global climate change. *Sci. Rep.* 8:7904. DOI: 10.1038/s41598-018-26321-8
- Kupriyanov A., Korolev A. (2019) *Russia and India as the Third Force in a New World Order*, Valdai Club Report; Moscow.
- Mahika Sri Krishna (2019). *The Vladivostok-Chennai Maritime Corridor: The implications for China*, Institute for Security & Development Policy.
- Menzies C.R., & Butler C. (2006). Introduction: Understanding Ecological Knowledge. In C.R. Menzies (Ed.), *Traditional Ecological Knowledge and Natural Resource Management* (pp. 1-17). Lincoln: University of Nebraska Press.
- Niti A. (2018) *Composite Water Management Index: Report on Water Crisis*.
- Nuttall M. (1998). *Protecting the Arctic: Indigenous Peoples and Cultural Survival*. Oxon: Routledge.
- Posey D. (2000). *Ethnobiology and Ethnoecology in the Context of National Laws and International Agreements Affecting Indigenous and Local Knowledge, Traditional Resources and Intellectual Property Rights*. In R. Ellen, P. Parkes & A. Bicker (Eds.), *Indigenous Environmental Knowledge and its Transformations: Critical Anthropological Perspectives* (pp. 35-54). Amsterdam: Harwood Academic Publishers.
- Rouse J. (1987). *Knowledge and power: toward a political philosophy of science*. Ithaca: Cornell University Press.
- Suhag V. (2022) *Prospects of an India-Russia cooperation for Northern Agriculture*. *Российская Арктика*. № 16. DOI:10.24412/2658-4255-2022-0-0-00.
- Wiréhn, L. (2018). Nordic agriculture under climate change: a systematic review of challenges, opportunities and adaptation strategies for crop production. *Land Use Policy*, 77, P. 63–74. DOI: 10.1016/j.landusepol.2018.04.059.
- Yang X., Lin E., Ma S., Ju H., Guo L., Xiong W. et al. (2007). Adaptation of agriculture to warming in Northeast China. *Clim. Change* 84, 45–58. DOI: 10.1007/s10584-007-9265-0.
- Zakharov A. (2017) “Exploring New Drivers in India-Russia Cooperation”. Occasional Paper. No. 124., Observer Research Foundation (ORF).
- Zent S. (2009). A Genealogy of Scientific Representations of Indigenous Knowledge. In S. Heckler (Ed.), *Landscape, Process and Power: Re-evaluating Traditional Environmental Knowledge*. New York: Berghahn Books.
- (1996) Ottawa Declaration. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (accessed 22.05.2022).
- (2002) Inari Declaration. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/88> (accessed 22.05.2022).
- (2009) Tromsø Declaration. Arctic Council. URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/handle/11374/780/restricted-resource?bitstreamId=d7c2a211-38b9-4583-8672-b967355c0398> (accessed 22.05.2022).
- (2017) Gazprom Neft signs memorandum of understanding with India's ONGC Videsh Ltd. on possibility of joint implementation of offshore projects. Gazprom Neft.

- (2017) Singh, Suresh and Sharma, Manila, INSTC: India-Russia's Trade to Get a Major Boost. Indian Engineering Exports.
- (2018) Annual Bilateral Summit (India-Russia), Joint Statement: An enduring Partnership in a Changing World.
- (2019) Annual Bilateral Summit (India-Russia), Joint Statement: Reaching new heights of cooperation through trust and partnership.
- (2021) Annual Bilateral Summit (India-Russia), Joint Statement: Partnership for Peace, Progress and Prosperity.

Interests of India in the Russian Arctic Region

Suhag V.

Abstract

The article discusses the main interests of India related to participation in the Arctic projects and cooperation with Russia. Based on the analysis of India's Arctic policy, the principles and directions of which are formulated in India's Arctic strategy for 2022, the author identifies groups of critically significant problems, the solution of which India associates with Russian-Indian cooperation in the Arctic. The areas of agriculture, science, transport, logistics, and energy are promising for cooperation. The author considers the mutual benefits of India and Russia, the possibility of complementary potentials of countries for the development of human and economic capital of the Arctic region. The author pays special attention to previously uncharacteristic aspects of cooperation between Russia and India, namely, India's interest in scientific research of traditional knowledge, lifestyle and ethnic policy in relation to the indigenous population of the Arctic.

Keywords: *Arctic, Russian-Indian cooperation, Arctic policy, international cooperation in the Arctic, Indian foreign policy, Indian interests, indigenous peoples, economic interests, Northern Sea Route, security*

About the author: Vikram SUHAG, PhD student of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: vikram.suhag499167@gmail.com.